

ЛЕБЕДЕВ Юрий Владимирович —

доктор филологических наук, профессор, г. Кострома
y-v-lebedev@ya.ru

О РЕАЛИЗМЕ ГОГОЛЯ

Аннотация. В статье раскрываются духовные корни реализма Н.В.Гоголя.

Ключевые слова: гоголевская традиция, христианская антропология, эпическая основа «Мёртвых душ».

Abstract. The article reveals the spiritual roots of N.V.Gogol's realism.

Keywords: Gogol tradition, Christian anthropology, epic basis of the "Dead Souls".

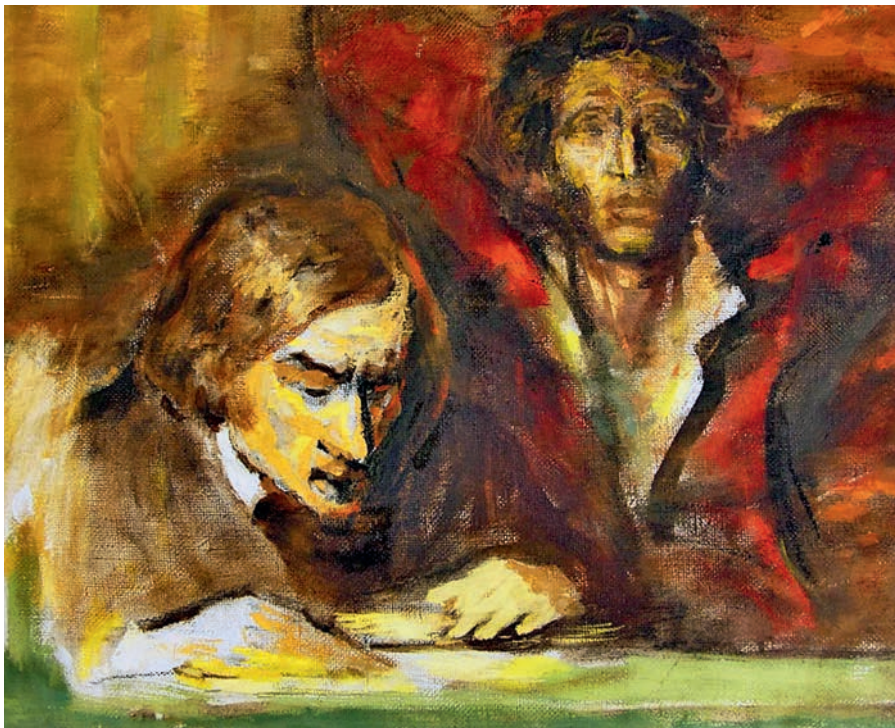
1

Творчество Н.В.Гоголя обозначило новую фазу в развитии русского реализма. Сначала В.Г.Белинский, а потом Н.Г.Чернышевский стали утверждать, что этот писатель явился родоначальником «гоголевского периода» в нашей литературе, который начался со второй половины 1840-х годов. Соглашаясь с этим, заметим, что содержание «гоголевского периода» сводилось у них к развитию так называемого «обличительного направления» в нашей литературе. В Гоголе они видели первого писателя-сатирика, сокрушившего в «Мёртвых душах» социальные основы существовавшего в России общественного строя.

Это был односторонний взгляд на существо реализма Гоголя. Ведь не случайно же Ф.М.Достоевскому, глубоко религиозному писателю, чуждому идеологии революционной демократии, приписывается фраза: «Все мы вышли из гоголевской "Шинели"». Дарование Достоевского, считавшего себя наследником Гоголя и Пушкина, бесконечно шире и богаче социального обличительства.

То «гоголевское направление», которое утверждалось Белинским и Чернышевским, просуществовало недолго и ограничилось, в сущности, писателями второй половины 1840-х годов, группировавшимися вокруг Белинского и получившими, с лёгкой руки Ф.В.Булгарина, ироническое определение «натуральной школы». А гоголевская традиция, оказавшаяся продуктивной, развивалась в ином направлении, ведущем не к Чернышевскому с его романом «Что делать?», а к Достоевскому с его знаменитым «пятикнижием».

Если подыскивать реализму Гоголя аналогии, то придётся вспомнить о писателях Позднего Возрождения — о Шекспире и Сервантесе, остро почувствовавших кризис того гуманизма, который утверждали писатели Раннего и Высокого Возрождения в Италии. Этот гуманизм сводился к идеализации человека, его доброй природы. Наша литература, начиная с Пушкина, никогда не разделяла такой прекраснотворческой веры в человека, познавая истину православно-христианского догмата об уязвленности его природы первоначальным повреждением. Русские писатели не порывали столь резко с религиозной традицией, как это случилось на Западе, и отстаивали гуманизм христианский. Конечно, реализм Гоголя существенно отличается от реализма Пушкина. Но природу этого реализма нельзя свести к социальному обличению, её

Е.И.Антонов. А.С.Пушкин и Н.В.Гоголь. 2000—2006

можно понять лишь в соотношении творчества и эстетических позиций Гоголя с творчеством и эстетическими позициями Пушкина.

«Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всех больше, — писал Гоголь М.П.Погодину, получив известие о гибели Пушкина. — Ты скорбишь как русский, как писатель, я... я и сотой доли не могу выразить своей скорби. Моя жизнь, моё высшее наслаждение умерло с ним. Мои светлые минуты моей жизни были минуты, в которые я творил. Когда я творил, я видел перед собою только Пушкина. <...> Мне дорого было его вечное и непреложное слово. Ничего я не предпринимал, ничего не писал я без его совета. Всё, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему»¹.

Гоголь встретился и сошёлся с Пушкиным в 1831 году, а расстался с ним не без личных обид, уезжая за границу, в 1836-м. С уходом Пушкина исчезла опора. Небесный свод поэзии, высокой и недостижимой в своей божественной гармонии, который Пушкин, как атлант, держал на своих плечах, теперь обрушился на Гоголя. Он испытал впервые чувство неподъёмной тяжести и творческого одиночества, о которых поведал своим читателям в седьмой главе «Мёртвых душ». Ясно, что в поэте, который никогда не изменял возвы-

шенному строю своей лиры, Гоголь видит Пушкина, а в писателе, погрузившемся в изображение «страшной, потрясающей тины мелочей, опутавших нашу жизнь» (6, 139), писателе одиноком и непризнанном, Гоголь видит себя. За горечью утраты Пушкина, великого гения гармонии, чувствуется скрытая полемика с ним, свидетельствующая о творческом самоопределении Гоголя по отношению к пушкинскому художественному наследию.

Эта полемика ощутима и в специальных статьях. Гоголь замечает, что красота пушкинской поэзии — это идеальная, «очищенная красота», не снисходящая до ничтожных мелочей, которые опутывают повседневную жизнь человека. В «Выбранных местах из переписки с друзьями», давая Пушкину высокую оценку, Гоголь замечает в то же время некоторую односторонность его эстетической позиции: «...изо всего, как ничтожного, так и великого, он исторгает только одну электрическую искру того поэтического огня, который присутствует во всяком творении Бога, — его высшую сторону, не делая из неё никакого применения к жизни. <...> Пушкин дан был миру на то, чтобы доказать собою, что такое сам поэт, и ничего больше. <...> Все сочинения его — полный арсенал орудий поэта. Ступай туда, выбирай

себе всяк по руке любое и выходи с ним на битву; но сам поэт на битву с ним не вышел»². Не вышел потому, что, «становясь мужем, забирая отовсюду силы на то, чтобы управляться с большими делами, не подумал о том, как управиться с ничтожными и малыми»³.

Мы видим, что сквозь похвалу Пушкину слышится упрек ему, может быть, не совсем справедливый, но зато ясно выражающий мироощущение Гоголя. Он рвётся на битву со всем накопившимся «сором и дрязгом» «растрёпанной действительности», оставленной Пушкиным без внимания. А литература, по Гоголю, призвана активно участвовать в жизнестроительстве. Задача писателя заключается в том, чтобы открыть человеку глаза на его несовершенство.

Расхождение Гоголя с Пушкиным не было случайным и определялось не только личными особенностями его дарования. Ко второй половине 1830-х годов в русской литературе началась смена поколений, наступала новая фаза в самом развитии художественного творчества. Пафос Пушкина заключался в утверждении гармонических идеалов. Пафос Гоголя — в критике, в обличении жизни, которая вступает в противоречие с богатыми потенциальными возможностями, обнаруженными гением Пушкина — «русского человека в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет» (6, 33). Пушкин для Гоголя был идеалом, опираясь на который он подвергал анализу современную жизнь, обнажая свойственные ей болезни и призывая к её исцелению. Образ Пушкина оставался для Гоголя «солнцем поэзии» и одновременно залогом того, что русская жизнь может бесконечно совершенствоваться в пушкинском направлении. Пушкин — это гоголевский свет, гоголевская надежда.

«Высокое достоинство русской породы, — писал Гоголь А.М.Виельгорской, — состоит в том, что она способна глубже, чем другие, принять в себя слово Евангельское, возводящее к совершенству человека. Семена Небесного Сеятеля с равной щедростью были разбросаны повсюду. Но одни попали на проезжую дорогу при пути и были расхищены налетевшими птицами; другие попали на камень, взошли, но усохли; третьи — в тернии, взошли, но скоро были заглушены дурными травами; четвёртые только, попавшие на добрую почву, принесли плод. Эта добрая почва — русская восприимчивая природа. Хорошо взлеянные в сердце семена Христовы дали всё лучшее, что ни есть в русском характере»⁴.

Пушкин, по Гоголю, — гений русской, православно-христианской восприимчивости. «Он заботился только о том, чтобы сказать одним одарённым поэтическим чутьём: «Смотрите, как прекрасно творение Бога!» и, не прибавляя ничего больше, перелететь к другому предмету затем, чтобы сказать также: «Смотрите, как прекрасно Божие творение!»»⁵. «И как верен отклик, как чутко его ухо! Слышишь запах, цвет земли, времени, народа. В Испании он испанец, с греком — грек, на Кавказе — вольный горец в полном смысле этого слова; с отжившим человеком он дышит

старинной времени минувшего; заглянет к мужику в избу — он русский с головы до ног»⁶. Эти черты русской природы связаны, по Гоголю, с православной душой народа, наделённой даром бескорыстного отклика на красоту, правду и добро. В этом заключается секрет «силы возбудительного влияния» Пушкина на любой талант. Гоголь почувствовал эту возбудительную силу в самом начале творческого пути. Пушкин зажгёт в его душе свет, указанный в «Страннике»:

*Иди ж, — он продолжал, — держись сего
ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг,
Ступай!..*⁷

И хотя Гоголь пошёл в литературе собственным путём, направление движения он определял по этому, пушкинскому компасу.

Во второй половине своей жизни Гоголь вдруг почувствовал, что современники плохо его понимают. И хотя его высоко ценил Белинский и другие русские критики, этими оценками писатель не был удовлетворён: они скользили по поверхности его дарования и не касались глубины. В Гоголе предпочитали видеть сатирика, обличителя пороков общественного строя. Но скрытые духовные корни, которые питали его дарование, современники склонны были не замечать.

В одном письме к Жуковскому Гоголь говорит, что в процессе творчества он прислушивается к высшему зову, требующему от него безусловного повиновения: «Кто-то незримый пишет передо мною могущественным железом» (6, 337). Вслед за Пушкиным Гоголь видит в писательском призвании Божественный дар. В изображении человеческих грехов, в обличении человеческой пошлости Гоголь более всего опасается авторской субъективности и гордыни. И в этом смысле его произведения тяготеют к пророческому обличению. Писатель, как человек, подвержен тем же грехам, что и люди, им изображаемые. Но в минуты творческого вдохновения он теряет своё я, свою «самость». Его устами говорит уже не человеческая, а Божественная мудрость.

Мировоззрение Гоголя в основе своей было глубоко религиозным. Гоголь никогда не разделял идейных установок Белинского и русских просветителей XIX века, согласно которым человек по своей природе добр, а зло заключается в общественных отношениях. «Природа человека» никогда не представлялась Гоголю «мерюю всех вещей». Источник общественного зла заключён не в социальных отношениях, и устранить это зло с помощью реформ или революций нельзя. Несовершенное общество — не причина, а следствие человеческой порочности. Внешняя организация жизни — отражение внутреннего мира человека. Дух творит окружающие его формы. И если в человеке помрачён Божественный первообраз, никакие изменения внешних форм жизни не в состоянии уничтожить зло.

«Я встречал в последнее время много прекрасных людей, которые совершенно сбились, — обращался Гоголь в неотправленном письме к Белинскому. — Одни думают, что преобразованиями и реформами, обращением на такой и на другой лад можно поправить мир; другие думают, что посредством какой-то особенной, довольно посредственной литературы, которую вы называете беллетристикой, можно подействовать на воспитание общества. Но благосостояние общества не приведут в лучшее состояние ни беспорядки, ни пылкие головы. Брожение внутри не исправить никакими конституциями...

Общество образуется само собою, общество слагается из единиц. Надобно, чтобы каждая единица исполняла должность свою. Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданина, до тех пор не придёт в порядок и земное гражданство»⁸.

Источник этих убеждений писателя очевиден: «Итак, не заботьтесь и не говорите: “что нам есть?” или “что пить?” или “во что одеться?” Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всём этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» (Мф. 6, 31—33).

Всё творчество Гоголя взывает к падшему человеку: «Встань и иди!» «В нравственной области Гоголь был гениально одарён, — утверждал исследователь его творчества К.Мочульский, — ему было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии, сдвинуть её с пути Пушкина на путь Достоевского. Все черты, характеризующие “великую русскую литературу”, ставшую мировой, были намечены Гоголем: её религиозно-нравственный строй, её гражданственность и общественность, её пророческий пафос и мессианство»⁹.

Гоголь бичевал социальное зло в той мере, в какой видел коренной источник несовершенств. Гоголь дал этому источнику название *пошлости* современного человека. «Пошлым» является человек, утративший духовное измерение жизни, образ Божий. Когда помрачается этот образ в душе, человек превращается в плоское существо, замкнутое в себе самом, в своём эгоизме. Он становится пленником своих несовершенств и погружается в болото бездуховного *ничто*. Люди вязнут в тине мелочей, опутывающих жизнь. Смысл их существования сводится к потреблению материальных благ, которые тянут человеческую душу вниз — к расчётливости, хитрости, лжи.

Гоголь пришёл к мысли, что всякое изменение жизни к лучшему надо начинать с преобразования человеческой личности. В отличие от либералов-реформаторов и революционеров-социалистов Гоголь не верил в возможность обновления жизни путём изменений социального строя. Гоголь отрицал всякое сближение Христа с революционными идеями, что неоднократно делал Белинский,

в том числе и в зальцбрунском письме, в котором он писал: «Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что Вы делаете?.. Взгляните себе под ноги: ведь Вы стоите над бездною... Что Вы подобное учение опираете на православную церковь — это я ещё понимаю: она всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то зачем Вы примешали тут? Что Вы нашли общего между Ним и какою-нибудь, а тем более православною, церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину Своего учения. И оно только до тех пор и было спасением людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. Церковь же явилась иерархией, стало быть, поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми, — чем и продолжает быть до сих пор»¹⁰.

«Кто же, по-вашему, ближе и лучше может истолковать теперь Христа? — набрасывал Гоголь ответ Белинскому. — Неужели нынешние коммунисты и социалисты, объясняющие, что Христос повелел отнимать имущества и грабить тех, которые нажили себе состояние? Опомнитесь! <...> Христос нигде никому не говорит, что нужно приобретать, а ещё, напротив, и настоятельно Он нам велит уступать: снимающему с тебя одежду отдай последнюю рубашку, с просящим тебя пройти с тобою одно поприще пройди два»¹¹.

«Мысль об «общем деле» у Гоголя была мыслью о решительном повороте жизни в сторону Христовой правды — не на путях внешней революции, а на путях кругого, но подлинного религиозного перелома в каждой отдельной человеческой душе», — писал о Гоголе русский мыслитель Василий Зеньковский¹².

В литературе Гоголь видел действенное орудие, с помощью которого можно разжечь в человеке религиозную искру и подвигнуть его на этот «крутой перелом». И только неудача с написанием второго тома «Мёртвых душ», в котором он хотел пробудить духовные заботы в пошлом человеке, заставила его обратиться к прямой религиозной проповеди в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Белинский придерживался в те годы революционно-демократических и социалистических убеждений. Потому он и обрушился на эту книгу, упрекая писателя в ренегатстве, в отступничестве от «прогрессивных» идеалов. Это письмо показало, что религиозную глубину гоголевского реализма Белинский не чувствовал никогда. Пафос реалистического творчества Гоголя он сводил к «обличению существующего общественного строя».

От Белинского пошла традиция делить творчество Гоголя на две части. «Ревизор» и «Мёртвые души» рассматривались как прямая политическая сатира на самодержавие и крепостничество, косвенно призывавшая к их «свержению», а «Выбранные места из переписки с друзьями» толковались как произведение, явившееся в результате кругого пере-

лома в мировоззрении писателя, изменившего своим «прогрессивным» убеждениям.

Не обращали внимания на неоднократные и настойчивые уверения Гоголя, что «главные положения» его религиозного мирозерцания оставались неизменными на протяжении всего творческого пути. Идея воскресения «мёртвых душ» была главной и в художественном, и в публицистическом его творчестве.

Гоголь утверждал: «Общество тогда только поправится, когда всякий человек займётся собою и будет жить как христианин, служа Богу теми орудиями, какие ему даны, и стараясь иметь доброе влияние на небольшой круг людей, его окружающих. Всё придёт тогда в порядок, сами собой установятся тогда правильные отношения между людьми, определяются пределы, законные всему. И человечество двинется вперёд»¹³. Это было коренное убеждение писателя от ранних повестей и рассказов до поэмы «Мёртвые души» и книги «Выбранные места из переписки с друзьями».

2

Потенциальные возможности русских людей к духовным переменам намечены уже в первом томе «Мёртвых душ». В представленной галерее помещиков есть одна примечательная особенность: в смене одного героя другим нарастает ощущение пошлости, в страшную тину которой погружается современный человек. Но по мере сгущения пошлости, доходящей даже в фамилии Собакевича до зороподобного состояния, на пределе её русской «безмерности» в душах героев начинает проглядывать «тощий и худенький» Багратион — славный герой Отечественной войны 1812 года. Неслучайно на него появляется «тонкий намёк» при описании картин в гостиной Собакевича: «Между крепкими греками, неизвестно каким образом и для чего, помещился Багратион, тощий, худенький, с маленькими знамёнами и пушками внизу и в самых узеньких рамках» (6, 99).

В глубине своего падения русская жизнь обнажает какие-то ещё неведомые и нераскрывшиеся резервы, которые, может быть, спасут её, дадут ей возможность выйти на прямую дорогу. Гоголь говорит нам в успокоение: «И во всемирной летописи человечества много есть целых столетий, которые, казалось бы, вычеркнул и уничтожил как ненужные. Много совершилось в мире заблуждений, которых бы, казалось, теперь не сделал и ребёнок. Какие искривлённые, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь, подобный пути, ведущему к великолепной храмине, назначенной царю в чертоги. Всех других путей шире и роскошнее оно, озарённый солнцем и освещённый всю ночь огнями, но мимо его в глухой темноте текли люди. И сколько раз уже наведённые нисходившим с небес Смыслом, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону, умели среди бела дня попасть вновь в непроходимые захолустья, умели напустить вновь слепой туман друг другу в очи и, влачась вслед за болотными огнями, умели-таки добраться до пропасти, чтобы потом с ужасом спросить друг друга: где выход, где дорога?» (6, 220).

Прямой путь, на который выйдет рано или поздно Русь-тройка, был очевиден и ясен для Гоголя уже в первом томе «Мёртвых душ». Десять столетий тому назад путь этот дан человечеству устами его Спасителя: «Я есмь путь, истина и жизнь...» (Иоанн, 14, 6). Гоголевская Россия, напустив слепой туман себе в очи, устремилась по ложному пути корысти и торгашества и движется по нему к самому краю пропасти. Но всем содержанием поэмы Гоголь показывает, что русские люди ещё не ослепли окончательно, что в их «расхристанных» душах не всё потеряно, что ресурсы для грядущего прозрения и выхода на «прямые пути» в них есть.

На это указывает и последняя встреча Чичикова с Плюшкиным, символизирующим предел, конечную ступень падения на избранном Чичиковым пути. Не случайно

встрече с ним предпосланы рассуждения автора и стоящего за ним героя о юности с её чистотой и свежестью. Эти рассуждения подытожит автор после общения Чичикова с Плюшкиным так: «И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек! мог так измениться! И похоже это на правду? Всё похоже на правду, всё может стать с человеком. Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!» (6, 133).

Пытаясь показать уклонение русской жизни с праведных и прямых на лукавые и кривые пути, Гоголь начинает рассказ о Плюшкине с предыстории героя. Если ранее перед читателями предстали сложившиеся характерами «готовые» Манилов, Коробочка, Ноздрёв, Собакевич, то характер Плюшкина Гоголь даёт в развитии. «А ведь было время, когда он только был бережливым хозяином! был женат и семьянин, и сосед заезжал к нему пообедать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости» (6, 122). «Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а с ними мелких забот, перешла к нему. Плюшкин стал беспокойнее и, как все вдовцы, подозрительнее и скупее» (6, 123).

И вот с каждым годом «притворялись окна» в его доме и в его душе, «уходили из вида более и более главные части хозяйства». «Это бес, а не человек», — говорили покидавшие его имение покупщики. «Сено и хлеб гнили, клади и стоги обращались в чистый навоз», а Плюшкин год от году всё более и более попадал в рабство к бесполезным и уже никому не нужным «хозяйственным мелочам»: «...он ходил ещё каждый день по улицам своей деревни, заглядывая под мостики, под переклады и всё, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, железный гвоздь, глиняный черепок, — всё тащил к себе и складывал в ту чучу, которую Чичиков заметил в углу комнаты. “Вон уже рыболов пошёл на охоту!” — говорили мужики, когда видели его, идущего на добычу» (6, 122).

В характере Плюшкина Гоголь видит изнанку другого порока, гораздо чаще встречающегося на Руси, «где всё любит скорее развернуться, нежели съежиться, и тем поразительнее бывает оно, что тут же в соседстве подвернётся помещик, кутящий во всю ширину русской удачи и барства, прожигающий, как говорится, насквозь жизнь» (6, 125). Беспределу ноздрёвского прожигания жизни на одном полюсе соответствует беспредел плюшкинской скупости на другом.

Тем удивительнее проступает в тёмной глубине превратившейся в прах души живой и трепетный огонёк надежды на спасение. Когда Чичиков обращает внимание Плюшкина на былых его знакомых, вдруг вспыхивает в нём память об утраченной юности и молодости: «“Ах, батюшка! Как не иметь, имею! — вскричал он. — Ведь знаком сам председа-

тель, ездил даже в старые годы ко мне, как не знать! однокорытниками были, вместе по заборам лазили! как не знакомый? уж такой знакомый!” <...> И на этом деревянном лице вдруг скользнул какой-то тёплый луч, выразилось не чувство, а какое-то бледное отражение чувства, явление, подобное неожиданному появлению на поверхности вод утопающего, произведшему радостный крик в толпе, обступившей берег» (6, 131).

Общение с Плюшкиным, несмотря на невиданный успех по закупке «мёртвых душ», вызывает у Чичикова чувство ужаса и глубокого внутреннего содрогания. В судьбе Плюшкина открывается логический конец того пути, на который направлена вся энергия самого Чичикова, «предпринимателя и хозяина». В.В.Кожин замечает: «Ведь перед нами, по сути дела, поистине безудержный разгул скупости — разгул, который не знал пределов и, в конце концов, “прожёл насквозь” жизнь этого скупца, превратив его в почти нищего. Плюшкин нисколько не похож на непрерывно богатеющих скупцов, изображённых в литературе Запада и Востока, — хотя бы на созданный почти в одно время с гоголевскими героями образ бальзаковского Гранде, оставившего своей наследнице, дочери Евгении, миллионы. У Плюшкина же “сено и хлеб гнили, клади и стоги обращались в чистый навоз... мука в подвалах превратилась в камень... к сукнам, к холстам и домашним материям страшно было притронуться: они обращались в пыль”... Плюшкин в этом своём разгуле скупости промотал даже свою помещичью власть и волю: когда он, по обыновению, крал что-либо у собственных крепостных, а “приметивший мужик уличал его тут же, он не спорил и отдавал похищенную вещь”...»¹⁴.

По замыслу Гоголя, галерея помещиков освещает с разных сторон те «уклоны» и «крайности», которые свойственны характеру Чичикова, которые готовят читателя к наиболее точному и всестороннему пониманию нового явления в русской жизни того времени — нарождающемуся буржуа. Всё в поэме направлено на развёрнутое изображение «чичиковщины» как тупика, в который попала русская жизнь на её безбожном пути.

Чичиков проявляет всегда неумную энергию и деятельность. Но в порывах своих он не движется вперёд, а всё время «кружит» и «колесит», всякий раз возвращаясь в исходное положение. Чичиковский «винт» постоянно срывается с «резьбы». Русская жизнь отторгает его. Судьба Чичикова являет перед читателем цепь стремительных восхождений и столь же стремительных катастроф, оставляющих героя у разбитого корыта.

Гоголь показывает нам, что в характере Чичикова далеко не всё контролируется и измеряется приобретательским духом. Вот он перебивает в номере гостиницы списки умерших крестьян, вчитывается зачем-то в заметки Собакевича, представляет в своём воображении каждого мужика поимённо, и «какое-то странное, непонятное ему самому чувство овладело им. Каждая из записочек

как будто имела какой-то особенный характер, и через то, как будто бы, самые мужики получали свой собственный характер. <...> Смотря долго на имена их, он умилился духом и, вздохнувши, произнёс: “Батюшки мои, сколько вас здесь напичкано! что вы, сердечные мои, подельвали на веку своём? как перебивались?”» (6, 141).

И в воображении этого «дельца», превратившегося в поэта, разгулялась-разлилась на всю Русь целая поэма об умном, дельном и вольном народе. Конечно, эту эпическую поэму о красоте и величии богатырского народного труда вместе с Чичиковым поёт и сам Гоголь. Но неспроста же автор считает возможным связать с именем этого русского дельца замечательные строки, в которых душа его, освободившаяся от мёртвых пут «земности», от «мелочей», околовдавших стяжателей и существователей, вырвалась на широкий волжский простор.

«Никто не оспорит, что перед нами фрагмент подлинно поэтического мира; но в чьей душе эта сцена развёртывается?» — задаёт вопрос Кожин. И так отвечает на него: «В душе Чичикова! Да, Чичикова, который в этот момент, согласно “пояснению” Гоголя, “задумался, так, сам собою, задумывается всякий русский, каких бы ни был лет, чина и состояния, когда замыслил об разгуле широкой жизни”. “Разгул широкой жизни...” Тем, кто находится под гипнозом полтора года лет внушаемой догмы о Гоголе — “отрицателе” и “разоблачителе”, это, конечно, покажется спорным; и тем не менее всё — буквально всё, что явлено в гоголевской поэме, есть именно “разгул широкой жизни”...»¹⁵. «Видно, так уж бывает на свете, видно, и Чичиковы на несколько минут в жизни обращаются в поэтов» (6, 176), — говорит Гоголь.

Какую же светлую надежду даёт нам автор первого тома «Мёртвых душ»? Во всех «предприятиях» Чичикова есть некий «перехлест», выход за нормы «добропорядочности» и прозаичности рядового буржуазного стяжательства. Крах авантюры Чичикова с «мёртвыми душами», назревающий в финале поэмы, — это событие большого масштаба и исторической значимости, это свидетельство отторжения русской жизнью того пути, буржуазный дух которого наиболее последовательно воплощает Чичиков.

«Чичиковщиной» заражены в поэме все помещики, с которыми он общался и в которых без труда распознавал свои собственные черты. «Чичиковщиной» болен и губернский город, в котором находящиеся у власти управители совсем не озабочены государственными проблемами. Каждый блюдет здесь свой собственный интерес и рассматривает свою должность как кормушку, как средство личного обогащения.

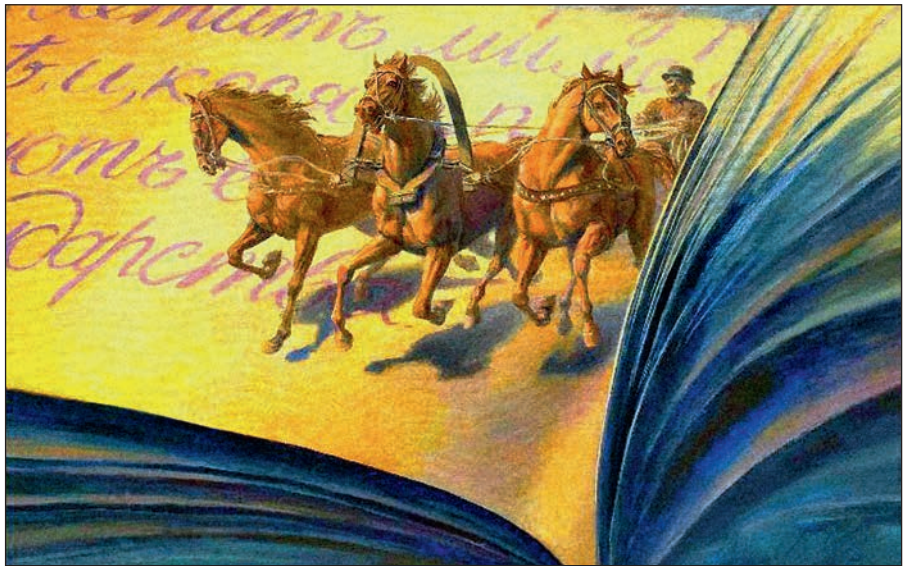
Во втором томе «Мёртвых душ» генерал-губернатор, почувствовав бесплодность борьбы со взяточничеством административными мерами, собирает всех чиновников губернского города в своём департаменте и произносит перед ними такую речь: «Дело в том, что пришло нам спасать нашу землю;

что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплемённых языков, а от нас самих; что уже мимо законного управленья образовалось другое правление, гораздо сильнее всякого законного. Установились свои условия, всё оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как ни ограничивай он в действиях дурных чиновников приставленьем в надзиратели других чиновников. Всё будет безуспешно, покуда не почувствовал из нас всяк, что он так же, как в эпоху восстанья народ вооружался против врагов, так должен восстать против неправды» (6, 528).

Речь военного губернатора к подчинённым здесь напоминает речь Тараса Бульбы к запорожцам о товариществе. Но если Тарас призывал народ к сплочению и духовному единству перед лицом внешнего врага, то герой второго тома «Мёртвых душ» зовёт к всеобщей мобилизации и ополчению против врага внутреннего. «Нигилист» Собакевич недалёк от истины, что в этом городе, олицетворяющем всю административную Россию, мошеник на мошенике сидит и мошеником погоняет.

Финал поэмы мыслится Гоголем как выход из «ада». И выход этот сопровождается, конечно, не трагический, а исполненный веры и надежды мотив: «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать вёрсты, пока не зарябит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьём с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит чётр знает на чём; а привстал, да замахнулся, да затянул песню — кони вихрем, спицы в колёсах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход — и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И она уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух.

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несёшься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё отстаёт и остаётся позади. Остановился поражённый Божиим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богом!.. Русь, куда ж несёшься ты? Дай ответ. Не даёт ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух: летит

мимо всё, что ни есть на земли, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства» (6, 259—260. — Курсив мой. — Ю.Л.).

В финале первого тома Гоголь предвосхищает свершившееся Божье чудо. Мчится тройка-мечта, обновлённая Россия, «вся вдохновенная Богом», вышедшая на праведные, прямые пути. Русь-тройка — поэтически воплощённая вера в высокое всемирно-историческое предназначение России как православно-христианской страны. Гоголь, поэт и историк, не сомневается в этом предназначении, если Россия вернётся к самой себе, к своим древним святыням и животворным народным истокам.

Гоголь верит, что душа русского христианина, пройдя через страшные искушения и соблазны, вернётся на путь православной истины. В глубине падения своего, на самом дне пропасти, обретёт русский человек загорающийся в его душе праведный свет, голос совести. Один из героев незаконченного второго тома «Мёртвых душ», обращаясь к Чичикову, говорит: «Ей-ей, дело не в этом имуществе, из-за которого спорят люди и режут друг друга, точно как можно завести благоустройство в здешней жизни, не помысливши о другой жизни. Поверьте-с, Павел Иванович, что покамест, броса всё то, из-за чего грызут и едят друг друга на земле, не подумают о благоустройстве душевного имущества, — не установится благоустройство и земного имущества. Наступят времена голода и бедности, как во всём народе, так и порознь во всяком... Это-с ясно... Что ни говорите, ведь от души зависит тело... Подумайте не о мёртвых душах, а о своей живой душе, да и с Богом на другую дорогу!» (6, 524. — Курсив мой. — Ю.Л.).

3

«Мёртвые души» вышли в свет в 1842 году и волей-неволей оказались в центре совершавшегося эпохального раскола русской мысли XIX века на славянофильское и западнече-

ское направления. Славянофилы отрицательно оценивали Петровские реформы и видели спасение России на путях православно-христианского её возрождения. Западники идеализировали петровские преобразования и ратовали за их углубление. А Белинский, увлекающийся французскими социалистами, даже настаивал на революционных изменениях существующего строя. Он отрёкся от идеалистических воззрений 1830-х годов, от религиозной веры и перешёл на материалистические позиции. В искусстве слова он всё более и более ценил мотивы социально-обличительные, а к религиозно-нравственным проблемам относился уже скептически. И славянофилы, и западники хотели видеть в Гоголе своего союзника. А полемика между ними мешала объективному пониманию содержания и формы «Мёртвых душ».

После выхода в свет первого тома поэмы на неё откликнулся Белинский в статье «Похождения Чичикова, или Мёртвые души» («Отечественные записки», 1842, № 7). Он увидел в поэме Гоголя «творение чисто русское, национальное, выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патристическое, беспощадно сдёргивающее покров с действительности и дышащее страстною, нервиною, кровною любовью к плодovitому зерну русской жизни». Русский дух поэмы «ощущается и в юморе, и в иронии, и в размашистой силе чувств, и в лиризме отступлений, и в пафосе всей поэмы, и в характерах действующих лиц, от Чичикова до Селифана и «подлеца Чубарого» включительно. <...> Ни в одном слове автор не намерен смешить читателя: всё серьёзно, спокойно, истинно и глубоко. <...> Нельзя ошибочнее смотреть на «Мёртвые души» и грубее их понимать, как видя в них сатиру»¹⁶.

Одновременно с этой статьёй Белинского вышла в Москве брошюра славянофила К.С.Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мёртвые души»». К.С.Аксаков противопоставил поэму Гоголя современному роману, явившемуся в свет в результате распада эпоса. «...Древний эпос, перенесённый из Греции на Запад, мелел

постепенно; созерцание изменялось и перешло в описание... название поэмы сделалось укоризненно-насмешливым именем. Всё более и более выдвигалось происшествие, уже мелкое и мелеющее с каждым шагом, и, наконец, сосредоточило на себе всё внимание, весь интерес устремился на происшествие, на анекдот, который становился хитрее, замысловатее, занимал любопытство, заменившее эстетическое наслаждение; так снизошёл эпос до романов и, наконец, до французской повести. Мы потеряли, мы забыли эпическое наслаждение; наш интерес сделался интересом интриги, завязки: чем кончится, как объяснится такая-то запутанность, что из этого выйдет?»¹⁷.

И вдруг является поэма Гоголя, в которой мы с недоумением ищем и не находим «нити завязки романа», ищем и не находим «интриги помудрёнее». «...На это на всё молчит поэма; она представляет вам целую сферу жизни, целый мир, где опять, как у Гомера, свободно шумят и блещут воды, всходит солнце, красуется вся природа и живёт человек»¹⁸. Конечно, «Илиада» Гомера не может повториться, да Гоголь и не ставит такой цели перед собой. Он возрождает «эпическое созерцание», утраченное в современной повести и романе. «Некоторым может показаться странным, что лица у Гоголя сменяются без особенной причины; это им скучно; но основание упрека лежит опять-таки в избалованности эстетического чувства. Именно эпическое созерцание допускает это спокойное появление одного лица за другим, без внешней связи, тогда как один мир объемлет их, связывая их глубоко и неразрывно единством внутренним»¹⁹. Какой же мир объемлет поэма Гоголя, какой единый образ объединяет в ней всё многообразие явлений и характеров? «В этой поэме обхватывается широко Русь», заключена тайна русской жизни, в ней она и хочет выговориться художественно²⁰.

Таковы основные мысли брошюры К.С. Аксакова, слишком отвлечённой от текста поэмы, но пронизательно указавшей на принципиальные отличия «Мёртвых душ» от классического западноевропейского романа. К сожалению, этот взгляд остался неразвитым и не закрепился в сознании читателей и в подходе исследователей к анализу гоголевской поэмы. На долгие годы восторжествовала точка зрения, высказанная Белинским не в первой, а в последующих статьях, полемически направленных против брошюры Аксакова.

В статье «Несколько слов о поэме Гоголя "Похождения Чичикова, или Мёртвые души"» («Отечественные записки», 1842, № 8), полемизируя с брошюрой Аксакова, Белинский говорит: «В смысле поэмы "Мёртвые души" диаметрально противоположны "Илиаде". В "Илиаде" жизнь возведена на апофеозу; в "Мёртвых душах" она разлагается и отрицается; пафос "Илиады" есть блаженное упоение, проистекающее от созерцания дивно божественного зрелища; пафос "Мёртвых душ" есть юмор, созерцающий жизнь сквозь видимый миру смех и незримые, неведомые ему слёзы»²¹.

В первой статье Белинский подчёркивал жизнеутверждающий пафос «Мёртвых душ», теперь он отрекается от своих мыслей и делает акцент на обличении и отрицании. Ещё более усиливается это в следующей статье, где Белинский откликается уже на возражения ему Аксакова в девятом номере «Москвитянина» за 1842 год. Белинский и называет эту статью «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя "Мёртвые души"» («Отечественные записки», 1842, № 11). Белинский цитирует здесь слова Гоголя из первого тома «Мёртвых душ» о «несметном богатстве русского духа»: «Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?... И ещё, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжёлое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..» (6, 230—231).

В ответ на эти слова Белинский с иронией заявляет: «Много, слишком много обещано, так много, что негде и взять того, чем выполнить обещание, потому что того и нет ещё на свете...»²². «Не зная, как, впрочем, раскроется содержание "Мёртвых душ" в двух последних частях, мы ещё не понимаем ясно, почему Гоголь назвал "поэмю" своё произведение, и пока видим в этом названии тот же юмор, каким растворено и проникнуто насквозь это произведение. <...> И поэтому великая ошибка для художника писать поэму, которая может быть возможна в будущем»²³.

Получается, что Белинский глубоко сомневается теперь в позитивном, жизнеутверждающем начале русской жизни, считает устремления творческой мысли Гоголя рискованными и видит преимущество «Мёртвых душ» над эпосом в глубине и силе обличения тёмных сторон русской действительности. Вслед за этими двумя статьями Белинского, воспринятыми догматически как последнее слово никогда не ошибавшегося великого критика-демократа и социалиста, несколько поколений русских читателей и литературоведов видели в «Мёртвых душах» Гоголя только беспощадную сатиру на «мерзости» крепостнической действительности. «Белинский своим сознательным, намеренным "перетолкованием" дал своего рода первый толчок умонастроению, которое поработило затем и подавляющее большинство литераторов, и вообще почти всю интеллигенцию России — от петербургских профессоров до сельских учителей»²⁴.

Гоголя огорчала односторонность Белинского и его друзей в оценке поэмы. В письме

к С.П. Шевырёву из Рима от 28 февраля 1843 года он сетовал: «Разве ты не видишь, что ещё и до сих пор все принимают мою книгу за сатиру и личность, тогда как в ней нет и тени сатиры и личности, что можно заметить вполне только после нескольких чтений; а книгу мою прочли только по одному разу все те, которые встают против меня» (6, 379—380). И он спешил убедить современников в том, что его поняли неправильно, что задуманный им второй том всё поставит на свои места и выпрямит возникшее в восприятии его поэмы искривление.

Увы! Неудача второго тома показала, скорее всего, неподъёмность для смертного человека тех задач, которые Гоголь в нём поставил. Ведь ему хотелось, чтобы его книга повернула на новый путь духовного возрождения всю Россию. Для этого ему нужно было «найти всемогущее Слово» — равное тому, какое «было у Бога и было Бог».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ГОГОЛЬ Н.В. Собр. соч.: В 6 т. — М., 1959. — Т. 6. — С. 349. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
- ГОГОЛЬ Н.В. Соч. / Под ред. Н.С. Тихонова. — СПб., 1900. — Т. 7. — С. 178—180.
- Там же. — С. 183.
- Переписка Н.В. Гоголя: В 2 т. — М., 1988. — Т. 2. — С. 246.
- ГОГОЛЬ Н.В. Соч. / Под ред. Н.С. Тихонова. — Т. 7. — С. 179.
- Там же. — С. 182.
- ПУШКИН А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. — М., 1963. — Т. 3. — С. 344.
- Переписка Н.В. Гоголя: В 2 т. — Т. 2. — С. 496.
- МОЧУЛЬСКИЙ К. Гоголь. Соловьёв. Достоевский. — М., 1995. — С. 37.
- БЕЛИНСКИЙ В.Г. Собр. соч.: В 9 т. — М., 1982. — Т. 8. — С. 283.
- Переписка Н.В. Гоголя: В 2 т. — Т. 2. — С. 493, 494.
- ЗЕНЬКОВСКИЙ В. Н.В. Гоголь. Часть II. Гоголь как мыслитель. Глава VII [Электронный ресурс] // URL: <http://gogol-lit.ru/gogol/kritika/zenkovskij-gogol/2-glava-vii.htm>. (Дата обращения 06.12.2018)
- Духовный путь Н.В. Гоголя. 2 ч. Ч. 1. Духовная проза. — М., 2009. — С. 332.
- КОЖИНОВ В.В. Разгул широкой жизни. «Мёртвые души» Н.В. Гоголя // Кожин В.В. Победы и беды России. URL: <http://readr.ru/vadim-koghinov-pobedi-i-bedi-rossii.html>. (Дата обращения 06.12.2018)
- Там же.
- БЕЛИНСКИЙ В.Г. Собр. соч.: В 9 т. — М., 1979. — Т. 5. — С. 51—53.
- АКСАКОВ К.С., АКСАКОВ И.С. Литературная критика. — М., 1981. — С. 141—142.
- Там же. — С. 141—142.
- Там же. — С. 143—144.
- Там же. — С. 145.
- БЕЛИНСКИЙ В.Г. Собр. соч.: В 9 т. — Т. 5. — С. 58.
- Там же. — С. 146.
- Там же. — С. 148.
- КОЖИНОВ В.В. Разгул широкой жизни. «Мёртвые души» Н.В. Гоголя.